

**ПРОБЛЕМА АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ
ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
ПРОЕКТЫ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ**

© 2024 Е. А. Абакумова¹, О. Н. Аргунов², Д. М. Есипов³

¹ кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России
e-mail: abakumova64@yandex.ru

Курский государственный университет

² кандидат исторических наук,
заместитель директора по научно-исследовательской работе
e-mail: argunovoleg-poet@mail.ru

Государственный архив Курской области

³ старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской работы
и информационного обеспечения
e-mail: dim.esipov2018@yandex.ru

Государственный архив Курской области

В настоящей статье рассмотрен вопрос попытки реализации крупномасштабных административно-территориальных преобразований в Российской империи, инициированных министром внутренних дел П. А. Столыпиным в ноябре 1910 г., на материалах Курской губернии. Однако из-за инертности местной системы управления регионом, ее медлительности назревшие изменения административно-территориального деления так и не произошли. Вместе с тем данный вопрос остался актуальным и после крушения империи. Нарботки, которые были сделаны на местах, отчасти легли в основу некоторых административно-территориальных преобразований Курской губернии в 1920-е гг.

Ключевые слова: Курская губерния, административно-территориальное деление, уезд, правление, земства, селение.

**THE PROBLEM OF ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL
TRANSFORMATIONS IN KURSK PROVINCE AT THE BEGINNING
OF THE XX CENTURY: PROJECTS AND THEIR IMPLEMENTATION**

© 2024 E. A. Abakumova¹, O. N. Argunov², D.M. Esipov³

¹ Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Russian History
e-mail: abakumova64@yandex.ru
Kursk State University

² Candidate of Historical Sciences, Deputy Director for Research
e-mail: argunovoleg-poet@mail.ru
State Archive of the Kursk Region

³ Senior Researcher, Research department and information support
e-mail: dim.esipov2018@yandex.ru
State Archive of the Kursk Region

This article examines the issue of attempting to implement large-scale administrative-territorial transformations in the Russian Empire, initiated by the Minister of Internal Affairs P. A. Stolypin in November 1910 using materials from the Kursk province. However, due to the inertia of the local regional management system and its slowness, the overdue changes in the administrative-territorial division never took place. At the same time, this issue remained relevant even after the collapse of the empire. The developments that were made locally partly formed the basis for some administrative and territorial transformations of the Kursk province in the 1920s.

Keywords: Kursk province, administrative-territorial division, district, board, zemstvos, village.

В начале XX в. в основе административно-территориального устройства Российской империи лежали заложенные еще Екатериной II принципы, реализованные в ходе губернской реформы 1775–1796 гг. Система территориального деления для большинства территорий империи была трехступенчатая: губерния – уезд – волость. Данная реформа была настолько успешной, что даже более чем через сто лет после кончины императрицы система продолжала вполне успешно работать и отвечала ключевым проблемам эпохи. Подтверждением тому служит тот факт, что после воссоздания 15 уездов в 1802 г. [2, с. 816–817] не только внешние, но и внутренние границы Курской губернии вплоть до конца XIX в. практически не изменялись, за исключением передачи в 1894 г. села Черкасского из Обоянского в Грайворонский уезд [2, с. 817].

Между тем за эти годы в губернии возникло достаточно большое количество новых населенных пунктов, многие из которых приобрели даже большую значимость, чем прежние, – экономические центры. Кроме того, у уездов друг к другу стали возникать определенные территориальные претензии, так как старые границы, проложенные еще в конце XVIII в., не отвечали потребностям повседневности начала XX в.

Ввиду того, что вопросы административно-территориальных преобразований уездного и губернского уровней находились исключительно в ведении имперских властей, в адрес Министерства внутренних дел стали поступать многочисленные циркуляры об изменениях в административно-территориальном делении как отдельных уездов, так и губерний.

Это привело к тому, что в ноябре 1910 г. в канцелярию курского губернатора М. Э. Гильхэна поступило циркулярное предложение министра внутренних дел Российской империи П. А. Столыпина от 3 ноября 1910 г. № 54. В данном документе министр отмечал, что в канцелярию министерства в течение продолжительного времени поступали нарастающим порядком различные ходатайства от администраций и общественных учреждений об изменениях существующих губернских, областных и уездных границ, которые обуславливались различными причинами. Среди них назывались отсутствие точно установленных границ между губерниями, неудобство управления, невыгодное сообщение отдельных населенных пунктов с уездными центрами и многие другие. В этой связи, понимая, что данных проблем в империи становилось все больше и больше, П. А. Столыпин обращался к губернаторам с требованием «незамедлительно представить... соображения о желательных изменениях в направлении границ вверенной... губернии и ее уездов, с точным указанием, чем вызывается необходимость в предлагаемом... изменении, а также с приложением карты губернии и обозначением на ней границ ныне существующих, так и проектируемых» [3, л. 400–400 об.].

К концу ноября того же года в канцелярии губернатора был подготовлен проект ответа в министерство следующего содержания: «<...>Курская губерния в составе 15 уездов, с народонаселением в 2 912 296 душ обоего пола, занимает пространство в 40 821 кв. версту. Население губернии составляют в большинстве великороссы, но в некоторых уездах есть и малороссы, которые не сохранили вполне особенностей своего быта и в значительной степени смешались с великороссами. Географическое положение губернии не представляет по местным условиям неудобств, требующих изменения существующих точно установленных границ губернии в целях управления и для нужд населения, и поэтому, как со стороны его, так и представителей местной администрации, общественных и сословных учреждений, заявлений и ходатайств об изменении существующих губернских, а также уездных границ не было, и ныне особых обстоятельств для сего в наличности не имеется» [3, л. 401]. Однако М. Э. Гильхэн 27 ноября 1910 г. наложил на проект резолюцию о запросе информации о возможных административно-территориальных преобразованиях в губернском и уездных земствах. 10 декабря 1910 г. соответствующие циркулярные письма были разосланы земским управам [3, л. 405–405 об.].

От большинства уездных управ в конце 1910 – начале 1911 г. поступали соответствующие циркуляры об отсутствии необходимости изменения существующих границ. Так, подобные письма поступили из Обоянского [3, л. 409], Курского [3, л. 411], Белгородского [3, л. 413], Львовского [3, л. 414], Новооскольского [3, л. 415], Грайворонского [3, л. 419], Путивльского [3, л. 425] уездов.

Однако от ряда уездных земских управ предложения по изменению границ поступили.

15 января 1911 г. Дмитриевская уездная земская управа выслала выписку из Журнала заседаний управы от 12 января того же года в адрес курского губернатора. В данном документе предлагалось «еще более приблизить к административному центру некоторые окраины уезда, чего можно достигнуть присоединением к Дмитриевскому уезду вдающейся в него части соседних уездов, как означено в прилагаемой карте, отделив взамен того от Дмитриевского уезда части, врезающиеся в соседние уезды Орловской губернии». Так, предлагалось присоединить к уезду село Черневка Дмитровского уезда, как составляющую часть имения Великого князя Михаила Александровича, центром которого было село Дерюгино Дмитриевского уезда. Взамен предлагалось сделать северо-восточной границей уезда реку Усожу, передав в Фатежский уезд села Старый и Новый Бузцы, а на юге – ручей Рудь, включив населенные пункты Запрудье, Клесово, Малое и Большое Городьково, Михайловское-Городьково в состав Львовского уезда [3, л. 417–417 об.].

Свои предложения по изменению границ высказало и Старооскольское земство. Предлагалось передать из состава Новооскольского уезда деревню Хмелевую и хутор Алпеевский Ольшанской волости в связи с тем, что эти населенные пункты находились на расстоянии всего в полверсты от крупной старооскольской слободы Орлик, в приходы церквей которой ходили жители этих хутора и села, а также имели с ней очень тесные экономические контакты. По этой же (экономической) причине предлагалось передать в состав уезда часть территории Новооскольского уезда с 70 хозяйствами слободы Хворостянки и хутора Андреевского. Кроме того, старооскольские земские представители предложили включить в состав уезда всю Солдатскую волость Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии ввиду того, что «селения Солдатской волости, прилегая к Старооскольскому уезду, отстоят от города Старого Оскола на близком расстоянии (до 15 верст), а от своего уездного города Нижнедевица – на расстоянии до 40 верст, и, во-вторых, находясь в смежности

с городом Старым Осколом, жители всех селений Солдатской волости обращаются в гор. Старый Оскол за медицинской и ветеринарной помощью» [3, л. 421–422].

Формированием естественных границ по реке Нежеголь объясняла свои предложения Корочанская земская управа: часть территории Новооскольского уезда находилась на правом берегу вышеуказанной реки, а часть Корочанского – на левом, что в периоды половодья серьезно затрудняло связь между этими территориями и уездным центром. Поэтому предлагалось обменяться этими территориями, особенно с учетом того, что их площади примерно равны (примерно по 9 тыс. десятин). Аналогичные суждения были и в отношении западной границы Корочанского уезда: также высказывалось мнение о возможном обмене территории с Белгородским уездом для улучшения сообщения между селениями и уездным городом. Однако в письме Корочанского земства от 20 января 1911 г. № 320 указания на географические привязки отсутствуют, что усложняет идентификацию этих территорий [3, л. 423–424].

Щигровская земская управа в своем письме от 17 января 1911 г. № 214 предлагала урегулировать вопрос административной принадлежности села Карандаково, которое располагалось по обоим берегам реки Тим, служившей границей Щигровского и Тимского уездов: «Нахождение земли одного и того же общества в двух смежных уездах представляет неудобства в том отношении, что сельской администрации села Карандаково с уплатой повинностей приходится ездить и в Тим, и в Щигры, причем нередко случаи, когда платежи, причитающиеся Щигровскому земству, поступают в пользу Тимского и наоборот» [3, л. 426–426 об.]. Село и его территории земство предлагало полностью включить в состав Щигровского уезда. При этом Тимская земская управа подобных предложений не высказала, что подтверждается соответствующим письмом от 4 февраля 1911 г. [3, л. 433].

К 17 мая 1911 г., когда Курская губернская земская управа направила письмо в Курское губернское правление за № 12270, все вышеуказанные предполагаемые изменения административно-территориального деления были учтены и обобщены. При этом от Рыльской, Суджанской и Фатежской управ никаких предложений не поступило [3, л. 440–441].

Ответ от Суджанской земской управы поступил в губернское правление только 20 июня 1911 г., в нем предлагалось присоединить к Суджанскому уезду часть Долженковской волости Обоянского уезда в составе селений Новоселовка, Долгий Колодезь, Долгие Буды, Переверзевка и Корочка. Данные претензии на обоянские территории обосновывались наличием на территории села Переверзевка сахарного завода, который экономически более тяготел к Судже, в частности из-за более близкого расположения железной дороги. Перевозка значительных грузов негативно сказывалась на состоянии дорог уезда, которые земство обязано было обслуживать, при этом не получая никаких доходов от завода [3, л. 446–447].

Кроме того, самостоятельно в Курское губернское правление направило в феврале 1911 г. свои предложения Рыльское земство, которое предлагало село Крупец, деревни Золотаревку, Труфановку, Успешную и Николаевку Путивльского уезда присоединить к Рыльскому уезду, а ему передать село Ходейково. Объяснялось это значительной удаленностью этих населенных пунктов от своих уездных центров [3, л. 453].

Как мы можем видеть, предложения, выносимые уездными земствами, а затем обобщенные губернским земством, кардинально не меняли административно-территориального деления губернии и практически не затрагивали внешних ее границ. Между тем Курская губернская земская управа в своем письме от 28 июля 1911 г. № 19187 в адрес губернского правления указывала, что «ныне существующие границы Курской губернии и ее уездов вполне соответствуют интересам и нуждам населения, а потому губернская управа со своей стороны не усматривает никаких оснований

к изменению их. Что же касается намеченных некоторыми уездными земскими управами изменений в границах уездов, то в отношении их губернская управа должна сказать, что изменения эти по большей части не вызываются потребностью населения и намечены без согласия соседних заинтересованных уездов, что, конечно, вызовет массу пререканий между этими уездами» [3, л. 450–450 об.].

Доподлинно неизвестно, направлены ли были предложения по изменению административно-территориального деления в Санкт-Петербург, никаких документальных сведений об этом нам выявить не удалось. Однако на хранении в Государственном архиве Курской области имеется недатированный черновик письма в адрес министра внутренних дел, в котором, во-первых, перечислялись все предложения, поступившие от земств, по изменению внутренних и внешних границ губернии, во-вторых, указывалось мнение губернской земской управы о нежелательности и отчасти необоснованности данных предложений и, в-третьих, высказывалось мнение губернатора о том, что изменение границ вызовет лишь усложнение жизни населения ввиду ломки волостных, полицейских и судебно-мировых участков, что, в свою очередь, нежелательно, а обусловлены они были прежде всего «увеличением земского обложения, с присоединением к ним земельных, фабричных и заводских имуществ из других уездов, но не вызываются потребностью населения» [3, л. 456–459].

Как можно увидеть, инициированная высшими должностными лицами попытка несколько изменить административно-территориальное устройство империи в начале второго десятилетия XX в., которая объективно была обусловлена новыми экономическими и социальными условиями, не состоялась. По нашему мнению, это во многом было обусловлено, с одной стороны, забюрократизированностью и неповоротливостью губернских и уездных управленческих структур (только сбор и обобщение информации по данному вопросу заняли 8 месяцев), а с другой – нежеланием местных властей изменять уже сложившиеся и относительно успешно работавшие местные управленческие сети. В общих чертах наше умозаключение подтверждается исследованиями и по другим регионам [6; 7; 11; 12].

Между тем остается открытым вопрос: действительно ли объективной потребности в изменении административно-территориального деления губернии не было? Ответ на него дает изучение административно-территориальных преобразований советского дообластного периода.

Так, осенью 1920 г. Советами Тимского и Щигровского уездов было возбуждено дело об уточнении между ними границ, в том числе и относительно села Карандакова. Суть обстоятельств заключалась в следующем.

В октябре 1920 г. в Щигровский и Тимский уезды был направлен землемер А. Ляшедько-Сенченко, который установил, что село Кшень Тимского уезда находится по обе стороны реки Кшени. Меньшая, левобережная часть села, состоящая из 55 домохозяйств с 335 душами, именовалась односельчанами Заречьем, а ее жители желали выделиться в отдельный населенный пункт, который бы присоединился к Щигровскому уезду, что позволило бы им получить более удобные земли для ведения хозяйства [4, л. 5–5 об.]. Жители правобережной части села были не против такого отделения. На основании этого заключения, а также приговора схода граждан села Кшень от 11 октября 1920 г. уполномоченный части села Кшень «Заречье» (так в документе) А. К. Капитонов подал заявление в междуездную комиссию по установлению границ между Тимским и Щигровским уездами об отделении от основной части населенного пункта [4, л. 7–8 об.].

Аналогичные проблемы также были в селе Крестище Тимского уезда и деревнях Пожидаевке, Мельгуновке (имели земли на территории Тимского уезда), Шатиловке

(имелись споры о владении землей с представителями села Крестище) Щигровского уезда. Однако в ходе заседания межведомственной комиссии 12 октября 1920 г. к единому мнению члены комиссии не пришли, так как стороны не хотели устанавливать фактическую границу между уездами по реке Кшени, чтобы не терять пахотные и луговые земли [4, л. 39–43].

На следующий день состоялось еще одно заседание межведомственной комиссии, были вызваны представители деревни Березовчик Щигровского уезда, часть которой располагалась на правой стороне реки Кшени (80 дворов с 577 душами), которые согласились перейти в Тимский уезд, чтобы размежевать уезды по реке Кшени [4, л. 44–45].

Итогом разбирательства стало то, что 13 октября 1920 г. было подписано постановление межведомственной комиссии о разграничении Тимского и Щигровского уездов по реке Кшени со следующими территориальными изменениями. Заречье села Кшень Тимского уезда переходило в состав Щигровского с 278 десятинами земли; 151 десятину земель деревень Пожидаевки и Мельгуновки Щигровского уезда, располагавшихся в Тимском уезде, оставить за последним, как и 65 десятин земель деревни Шатиловки и правобережную часть деревни Березовчик с 402 десятинами [4, л. 46–47 об.].

В те же дни аналогичный процесс проходил и в отношении разграничения села Карандаково Щигровского уезда и села Успенского Тимского уезда. Новая граница, проложенная землемерами, во-первых, часть села Карандаково, расположенная по правому берегу реки Тим, включалась в Щигровский уезд (земли, официально числившиеся за Успенским обществом), во-вторых, часть Щигровского уезда переходила в состав Тимского за счет удаленных владений Петрищевского общества (Щигровский уезд), которые из-за неудобства расположения практически им не обрабатывались. Тем самым компенсировались потери Успенского общества в земле [5, л. 27–30 об.]. Данная граница устраивала обе стороны, но, по неизвестным нам причинам, так и не была официально установлена [5, л. 32–32 об.].

Как мы можем видеть, земельные претензии уездов друг к другу решались достаточно быстро при условии нахождения общего консенсуса между сторонами. Однако при этом необходимо отметить один весьма интересный факт: в земельных спорах постоянно проходили отсылки к генеральному межеванию, которое проходило в этих местах еще в конце XVIII в., то есть, по сути, данные проблемы имели многолетний характер, о чем вряд ли не знали уездные и губернские власти еще в 1910–1911 гг.

Аналогичный процесс проходил и в период передачи территорий бывшего Путивльского уезда в состав Украины в 1925–1926 гг. И если Рыльское земство предлагало передать из Путивльского уезда только село Крупец, деревни Золотаревку, Труфановку, Успешную и Николаевку, а передать ему село Ходейково, то согласно акту четвертой паритетной приемо-сдаточной комиссии, образованной межреспубликанской Центральной паритетной комиссией по приемке и передаче части территории бывшего Путивльского уезда Курской губернии РСФСР, отходящей к УССР на основании Постановления ЦИК Союза ССР от 16 октября 1925 г., от 14 апреля 1926 г. в составе губернии оставались села Козино, Крупец, деревни Городище, Старая Николаевка, Слободка-Ивановка, Анатольевка, Неониловка. Но при этом передавались Украине не только полностью территории Грузчанской, Бурынской, Путивльской и частично Крупецкой волостей, которые до 1924 г. входили в состав Путивльского уезда, но и ряд селений Теткинской волости Рыльского уезда, а именно: села Рыжевка, Новая Слобода, Масловка, Горки, деревни Старые и Новые Виры, Алеево, Бывалино, Марьяновка, Бунякина, Боярские Лежачи, Вегеровка, Дорошевка,

Калищи, Уцкая, хутор Кружок [9, с. 502–504], населенные в основном украинцами и расположенные преимущественно на правом, удаленном берегу реки Сейм.

В то же время стоит отметить, что некоторые предложения, сделанные земствами еще в 1911 г., нашли свое отражение в период районирования конца 1920-х гг. Постановлением ВЦИК от 30 июля 1928 г. «О составе районов и их центрах по Центрально-Черноземной области» [10] в составе Белгородского округа Центрально-Черноземной области был создан Беловский район с центром в слободе Белой. В его состав вошли частично территории бывших Суджанского, Обоянского и Грайворонского уездов. В числе включенных в состав района населенных пунктов оказались селения Новоселовка, Долгие Буды, Переверзевка, Долгий Колодезь, Корочка Обоянского уезда [8, с. 16–17]. В письме Суджанской уездной земской управы от 20 июня 1911 г., на которое мы ссылались ранее, указывалось, что уже в тот период времени вышеуказанные населенные пункты экономически тяготели к слободе Белой Суджанского уезда [3, л. 446–447], что обусловило включение их в состав вновь образуемого района даже спустя 17 лет. Более того, село Черневка бывшего Дмитровского уезда уже в период между 1932 и 1935 г. было включено в состав Дмитриевского района, как тяготеющее экономически к городу Дмитриеву [1, с. 92–93].

Как можно увидеть, приведенные нами примеры свидетельствуют о том, что предложения земств в 1911 г. о некоторых административно-территориальных изменениях действительно были обусловлены различными причинами, в первую очередь экономического характера. Более того, они не потеряли своей актуальности даже спустя десятилетия, что говорит об их злободневности и насущности.

На основании вышеизложенного мы можем сделать вывод, что предложения, высказанные земствами в 1911 г. в отношении изменения административно-территориальных границ уездов губернии, не только имели под собой реальные объективные обоснования, но и сохраняли свою актуальность на протяжении достаточно длительного периода времени. Только в советский период некоторые из них были воплощены в жизнь, что подтвердило тем самым их необходимость.

Игнорирование новых объективных социально-экономических условий жизни, в том числе и в вопросе административно-территориального устройства, думается, было серьезным упущением со стороны губернских властей, не желающих по-настоящему вникать в суть местных проблем.

Библиографический список

1. Административно-территориальное деление Орловской области 1928–2011 гг.: справочник: в 2 томах. – Орёл, 2014. – Том 1. – 428 с.
2. Государственный архив Курской области. Путеводитель. – Курск, 2005. – 872 с.
3. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). – Ф. 33. – Оп. 2. – Д. 13434.
4. ГАКО. – Ф. Р-742. – Оп. 1. – Д. 27.
5. ГАКО. – Ф. Р-742. – Оп. 1. – Д. 28.
6. Манаков, А. Г. Изменения административно-территориального деления на Северо-Западе России в имперскую эпоху / А. Г. Манаков // Арктика. XXI век. Гуманитарные науки. – 2015. – № 3(16). – С. 4–20.
7. Матвеевко, А. Л. Эволюция административно-территориального деления западной части Иркутской губернии в первой трети XX века / А. Л. Матвеевко, Н. А. Скорикова // Известия Лаборатории древних технологий. – 2018. – Том 14. – № 2. – С. 223–230. – DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-223-230

8. Населенные пункты ЦЧО. – Воронеж, 1932. – 358 с.
9. Путивль и путивляне в истории и культуре России (1500–1925 гг.): сборник статей и материалов / редактор-составитель А. И. Раздорский. – Москва, 2022. – 559 с.
10. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. – 1928. – № 99. – 12 сентября. – Ст. 630.
11. *Тархов, С. А.* Основные пространственные закономерности эволюции сетки административно-территориального деления России за 300 лет / С. А. Тархов // Псковский регионологический журнал. – 2019. – № 4(40). – С. 16–33.
12. *Федосеев, Р. В.* Особенности административно-территориального деления и распределения населения в Пензенской губернии во второй половине XIX – начале XX в. / Р. В. Федосеев, П. Н. Качалов // Символ науки: международный научный журнал. – 2016. – № 3. – С. 84–88.